
Проекты создания миссионерского общества на Кавказе: от А.П. Ермолова до князя А.И. Барятинского

Вадим Муханов

The projects for establishing the Orthodox Missionary Society in Caucasus: from A.P. Ermolov to A.I. Bariatinsky

*Vadim Mukhanov (Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University), Russia)*

В 1856 г. командующим Кавказским корпусом и заместителем на Кавказе стал кн. А.И. Барятинский, имевший богатый опыт участия в боевых действиях против Шамиля и его наибов, а также собственную программу военной и гражданской деятельности. В Кавказском корпусе, вскоре переименованном в армию, прошли серьёзные преобразования, которые улучшили систему управления и комплектования, техническое оснащение русских войск; отборные части были полностью обеспечены нарезным оружием. Это способствовало успеху ширококомандной военной операции, проведённой на Северо-Восточном Кавказе и завершившейся в 1859 г. ликвидацией имамата и пленением имама Шамиля в ауле Гуниб.

Одновременно Барятинский с присущей ему кипучей энергией занимался устройством гражданских дел, во многом продолжая деятельность кн. М.С. Воронцова. Стремясь обеспечить начавшееся умиротворение Северного Кавказа, Барятинский придавал особое значение восстановлению в регионе позиций христианства. При этом он консультировался со святителем Игнатием (Брянчаниновым), в 1857–1861 гг. являвшимся епископом Кавказским и Черноморским. Заметную роль играли также экзарх Грузии митрополит Исидор (Никольский) и Армянский католикос Нерсес, по словам Д.А. Милютина, «пользовавшиеся в крае большим авторитетом». «Высокопреосвященный Исидор, – вспоминал Милютин, – при наружности весьма непривлекательной (почти безбородый), располагал в свою пользу простотою, естественностию своего разговора и обращения; в нём не было ни малейшей фальши; а это именно те качества, которые наиболее ценились на Кавказе. В то время экзарх был ещё не старый человек, бодр, подвижен и не чуждался света»¹. За время своего длительного пребывания во главе экзархата он активно занимался миссионерской деятельностью, воздвиг ряд храмов, учредил архиерейскую кафедру в Абхазии и открыл в Мцхете специальное женское училище для дочерей духовенства.

Барятинский выступал за расширение колонизации Кавказа и настаивал на отмене каких-либо сословных и конфессиональных ограничений для переселенцев. Ещё в 1850 г. из-за нехватки казённых земель Воронцов предлагал разрешить их размещение на владельческих имениях в Закавказье (по договорённости с собственниками). Тогда Николай I согласился предоставить такую возможность только немецким колонистам. Между тем к концу 1850-х гг. в За-

---

© 2016 г. В.М. Муханов

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 29–30.

Кавказе находилось почти 3,5 тыс. семей (свыше 22 тыс. человек обоего пола) молокан, духоборов, старообрядцев. В 1858 г. после нескольких прошений Барятинского члены Кавказского комитета, а затем и Александр II признали необходимым снять ограничения для заселения края. Вместе с тем, по мнению наместника, следовало активнее обращать как переселенцев, так и коренное население в православие². В 1857 г. князь написал и отправил в Петербург записку «О положении христианской веры между горными племенами Кавказа и о пользе учреждения особого братства для восстановления православия между сими племенами». Созданное по инициативе Барятинского «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» стало в дальнейшем связующим звеном между местной администрацией и Церковью.

Но если деятельность данного общества во второй половине XIX – начале XX в. в той или иной мере рассматривалась исследователями³, то процесс его создания в конце 1850-х гг., а также обсуждение предшествующих проектов и записок до сих пор практически не изучен. Между тем ещё А.П. Ермолов отмечал печальные последствия бесконтрольной миссионерской деятельности среди горцев как православных священников, так и иностранных проповедников, указывая на необходимость её упорядочения. В частности, генерал добивался высылки европейских миссионеров, действия которых нанесли вред распространению христианской веры на Кавказе и его умиротворению. «Неоспоримо, – писал он, – что введение христианской религии между горцами могло бы умягчить суровость сих полудиких народов и сделать их к нравственному образованию более доступными; но дабы переворот сей и в политическом отношении в полной мере был полезен для России, необходимо также, чтобы вместе с тем как понятия народов сих, так и самые обычаи их и нравы сближены были с нашими, но сего едва ли можно достигнуть посредством миссионеров иностранных и иноверных». Более того, «вызывая для распространения в областях наших христианства проповедников иностранных, мы сознаёмся перед лицом всей Европы или в недостатке способов наших, или в неспособности к проповедованию слова Божия нашего духовенства». «По всем сим соображениям, – заключал Ермолов, – я полагал бы полезнейшим, не допуская в здешние страны миссионеров иностранных, образовать особое общество для проповедования греко-российской веры из почтеннейших и просвещённых духовных особ наших, подчинив оному и существующую ныне Осетинскую духовную комиссию»⁴.

Николай I одобрил данное предложение, но в ходе его обсуждения на Кавказе многие оспаривали целесообразность учреждения подобного общества, напоминая, что содержание Осетинской духовной комиссии, достигшей весьма скромных успехов в деле обращения горцев в христианскую веру, заставляло казну расходовать значительные денежные средства. Поэтому для улучшения миссионерской деятельности предлагалось более тщательно отбирать и лучше использовать проповедников, строже их контролировать, снабжать церковными книгами, строить новые храмы и налаживать контакты с горцами и их

² Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904. С. 12–13, 16, 552–562.

³ *Платонов А.И.* Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910; *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. Т. 3. М., 1891.

⁴ АКАК. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 480.

старшинами⁵. Тем не менее главноуправляющий на Кавказе граф И.Ф. Паскевич поддержал инициативу Ермолова, и 13 апреля 1829 г. император подписал указ Святейшему Синоду «Об учреждении Общества из духовных особ для проповедования Греко-Российской веры на Кавказе». Оно формировалось Синодом «под председательством и главным управлением экзарха Грузии» и должно было контролировать и координировать деятельность как Осетинской духовной комиссии, в которой оставались только «действительные проповедники, или миссионеры», так и отдельных священников, регулярно получая их донесения и отчитываясь на их основании перед главноуправляющим и тифлисским военным губернатором⁶.

В тот же день появился и указ Комиссии духовных училищ «О мерах для распространения греко-российской веры на Кавказе»⁷. В нём говорилось о необходимости усилить подготовку проповедников, внося изменения в учебные курсы Тифлисской семинарии и духовных училищ, в том числе «поставить в непрременную обязанность преподавание языков, горцами употребляемых». При семинарии также планировалось создать особый подготовительный класс для миссионеров, которых решили готовить из представителей местного населения, взяв их на полное казённое содержание. В семинарию и в уездные училища рассчитывали привлечь несколько десятков горцев. «Для первоначального грамоте и закону Божию учения, – говорилось в указе, – учредить, согласно мнению покойного экзарха митрополита Феофилакта, приходские училища при церквях, устроенных между самими горцами, но в местах елико возможно менее опасных. В сих училищах преподавание русского языка, равно как и отечественного, для горцев необходимо. Учителями может быть местное духовенство»⁸. Для стимулирования подобной преподавательской деятельности предполагалось, что жалованье священникам будет назначаться исходя из количества их учеников.

Однако осуществить намеченное не удалось как в силу трудоёмкости поставленной задачи, так и в связи с ухудшением военно-политической ситуации на Северном Кавказе. К тому же вскоре сменилось руководство и российской администрации на Кавказе, и экзархата. В 1831 г. Паскевича заменил барон Г.В. Розен, а в 1832 г. новым экзархом Грузии стал архиепископ Моисей (Богданов-Платонов), которому Святейший Синод поручил завершить организацию миссионерского общества на Кавказе. Составленное под руководством архиепископа «Положение» включало 184 параграфа, регулировавших различные аспекты предстоявшей его членам деятельности. При этом архиерей сознавал, что учреждение подобного общества «есть дело многосложное, а по местным обстоятельствам весьма трудное и требующее постепенного развития, как в начале, так и в продолжении своём»⁹. Приступить к решению данной задачи владыка не успел, так как в 1834 г. скоропостижно скончался в Тифлисе. «Смерть сего архипастыря, – сообщал в Санкт-Петербург барон Розен, – приобретшего в столь непродолжительное пребывание в Грузии всеобщую любовь и уважение, сопровождалась истинным сожалением грузинского начальства и духовенства Закавказской епархии, для которой потеря эта не может не быть

---

⁵ Савенко Е.А. К вопросу об учреждении «Общества из духовных особ для проповедования Греко-Российской веры на Кавказе» // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 11. С. 58.

⁶ ПСЗ-II. Т. 4. СПб., 1830. № 2817. С. 245–246.

⁷ Там же. № 2818. С. 246–247.

⁸ Там же. С. 246.

⁹ Цит. по: Савенко Е.А. Указ. соч. С. 59.

весьма чувствительна, ибо архиеп. Моисей обладал умом и сведениями, обещавшими большую пользу управлению духовною частью, об устройстве коей он неусыпно старался»¹⁰.

Новый экзарх – архиепископ Евгений (Баженов) основательно подошёл к «начертанию правил об устройстве миссионерского общества для распространения греко-российской веры на Кавказе», тщательно изучил предложения своего предшественника, историю распространения христианства на Кавказе и причины неудач прежних проповедников в XVIII – первой четверти XIX в., после чего изложил собственную программу действий создаваемого Общества¹¹. Архиепископ Евгений констатировал, что миссионеры нередко «пеклись о умножении достояния своего и, страшась лишений и опасностей, почти не оставляли Кизляра, не стараясь сблизиться с народами, между которыми должны были проповедовать слово Божие». «Отдалённое же расстояние от главных духовных начальств, трудность сообщений и вообще малоизвестность в тогдашнее время одного края и истинного состояния и течения дел», а также отсутствие «строгого надзора» за проповедниками поддерживали «в них законопреступные виды и нерадение к великой обязанности, на них возложенной». Число обращённых оставалось невелико, и, пытаясь его увеличить, Осетинская духовная комиссия сулила нищему народу освобождение от податей в пользу правительства после принятия христианства¹².

Владыка признавал, что подобный «способ распространения слова Божия, не говоря уже о противозаконности его, никогда не мог быть верным средством к утверждению в сердцах обращённых истинных понятий о религии; ибо впечатления на умы их мыслью личной выгоды несомненно прельщали их», а «народ, от природы бедный и жадный к прибыли, легко соглашается исполнить обряд крещения, с коим вместе получает он деньги и одежду, в которых нуждается». Кроме того, и тут «действия Комиссии никак не распространялись далее нескольких ущельев Карталинии и близ Владикавказа лежащих, населённых разными племенами осетин, совершенно не касаясь многих племён далее в горах, к востоку и к западу от Военно-Грузинской дороги живущих, а также по северной покатости оных». Таким образом, Комиссия «под управлением архиеп. Досифея не только несколько уклонилась, но, совершенно отдаляясь от предназначенной ей цели, не принесла никакой пользы, но более повредила и последующему ложностью и противозаконностью посеянных мнений, несмотря на 12 500 душ, которые будто бы обращены оной». Архиепископ Евгений не скрывал своих сомнений в точности официальных данных, согласно которым за 17 лет было крещено около 60 тыс. душ, поскольку, по его наблюдениям, «с 1823 года по 1830 успехов Комиссии почти не видно». Поэтому «первой обязанностью просветителей, как настоящих, так и предполагаемых впредь, есть утверждение уже обращённых к истинной религии, а не одно определение числом принявших крещение, дабы, истинно исповедуя оную, они могли быть примером и соседям и детям своим, и тем дать своим миссионерам более средств и возможности к достижению цели их»¹³.

---

¹⁰ АКАК. Т. 8. Тифлис, 1881. С. 247.

¹¹ Там же. С. 247–260.

¹² Там же. С. 248.

¹³ Там же.

Круг задач, стоявших перед создаваемым Обществом, владыка очерчивал довольно широко: «1) выбор миссионеров, образование и приготовление их; 2) исследование средств, которыми могут они наиболее действовать на мало развитые и предрассудками искажённые понятия горцев; 3) внимательное наблюдение за образом жизни и преподаванием учения миссионерами; 4) недопущение введения других исповеданий, кроме господствующего в империи; 5) определение сношений духовной власти с гражданской для успешнейшего действия Общества; 6) средства к большему сближению горцев с русскими; 7) достоверное изложение настоящего возможно известного состояния горских народов и, наконец, 8) изыскание возможно лучших мер к удобнейшему составу предполагаемого Общества миссионеров и влиянию оною на все народы, Кавказ населяющие». Не следовало забывать, что «народы сии, считающиеся под властью России, до сего времени весьма мало покорны правительству, и, следовательно, озарение их религиею должно сблизить их с Россиею». «Надобно, – отмечал архиепископ, – чтобы с понятиями о религии они получали истинные понятия о государстве, с которым они сближаются и коего часть должны составить, чтобы простыми историческими рассказами и примерами они удостоверились в истинном величии России и приучились уважать её». Поэтому «лица, назначенные в миссионеры, рассматривая их и со стороны политической, и со стороны нравственной, должны быть избираемы из природных русских, воспитанных в отечественных духовных заведениях и университетах». Из светских учебных заведений владыка выделял Казанский университет, где «наиболее удобно образовать юношей для звания миссионеров». Кроме них, он признавал возможным привлечь «небольшое число воспитанников Тифлисской семинарии» и молодых грузинских священников, но «только тех, кто получают достаточное образование в русских заведениях, будут совершенно знать русский язык и, наконец, долговременным пребыванием в России примут образ мысли и образ жизни, ей собственно принадлежащие»¹⁴.

Не сомневаясь в заинтересованности российского правительства во всестороннем образовании духовенства, готовящегося проповедовать на Кавказе, владыка Евгений рассчитывал, что в ходе обучения будущие миссионеры получат познания по истории России и Кавказа, по общей медицине и хирургии (дабы, «помогая страждущим недугами, могли приобрести расположение и доверенность горцев, которые до того времени имеют высочайшее уважение к людям, одарённым способностью исцелять болезни телесные»), овладеют в Тифлисе, где под руководством общества должна была завершиться их специализированная подготовка, по крайней мере, одним из местных языков и наречий¹⁵.

Не менее важно для Общества было контролировать «удалённых от всегдашнего надзора его проповедников, живущих одиноко без особенного наблюдения». Предполагалось «для сего, смотря по удобствам времени и обстоятельствам, посылать довереннейших из себя для проверки на самых местах образа жизни проповедников, узнания степени влияния их на просвещаемый народ и уважения, которое они приобрести успели»¹⁶. Вместе с тем «непремен-

¹⁴ Там же. С. 253.

¹⁵ Там же. С. 254.

¹⁶ Там же. С. 255.

ному надзору управления Общества подлежит способ, которым распространяется христианство, и самая степень просвещения».

Архиепископ Евгений надеялся на плотное взаимодействие между гражданскими и духовными властями. Членам Общества следовало согласовывать свои действия с администрацией, выполняя её предписания и считаясь с её предостережениями. От неё же ожидалось: «1) сообщение Обществу мнения о возможности или невозможности внести Крест и учение христианское в тот или другой народ, основывая оное на политических отношениях и расположении оного к правительству; 2) сведения о лицах, более примечательных между народов, и тех, которые могут быть полезны миссионерам; 3) сведения о географическом положении земель, о числе жителей, народном духе и обычаях, наконец, о степени сближения их с правительством и 4) повеление всем местным начальникам округов, прилежащих землям народов, коих предназначаются просвещать верою, оказывать миссионерам все пособия, нужные для проезда до границ того народа, и другие сему подобные; если же поставлены местные начальства между необращёнными, то таковые обязаны возможно содействовать миссионерам влиянием на старшин и другими подобными мерами»¹⁷.

Помимо этого, ссылаясь на мнение Ермолова, архиепископ Евгений настаивал на недопустимости распространения в регионе других христианских вероисповеданий, «кроме господствующего в империи». По его словам, «к предположениям об учреждении Общества необходимо отнести должно и меры к совершенному прекращению действий проповедников шотландских у северной подошвы гор Кавказских, так равно и членов базельского Евангелического общества, поселившихся в Карабаге»¹⁸.

Возглавить Общество и руководить его деятельностью предстояло экзарху Грузии. Поэтому и Главный совет миссионерского общества планировалось разместить в Тифлисе, который, по мысли владыки Евгения, «и будет главным соединительным пунктом всех ветвей оного». Однако архиепископ сознавал, что Тифлис «по географическому положению не может назваться центром действий», и намечал образование нескольких самостоятельно действующих отделений Общества – в Осетии, Мингрелии, Абхазии, «на северной покато-сти Кавказа, в Кизляре или Моздоке, в Пятигорске и в Усть-Лабе, или одной из крепостей, лежащих по р. Кубани», а также в закавказских мусульманских провинциях¹⁹.

Архиепископ исходил из того, что средства, способствующие «к наибольшему сближению горцев с русскими», «большею частью лежат на обязанности власти гражданской», но «успех оных есть немаловажная польза и для самого Общества миссионеров». Как «заслуживающие особенного внимания и долженствующие быть приведёнными в исполнение совокупными усилиями властей духовной и военно-гражданской» им рассматривались «учреждение училищ для образования горцев; установление письмен для господствующих в горах наречий и, наконец, перевод на оный, как необходимый для христианина, книг церковных, так и равно и кратких удобопонятных исторических рассказов, в особенности о России, и других начальных полезных сведений». В то же

¹⁷ Там же. С. 258.

¹⁸ Там же. С. 256.

¹⁹ Там же. С. 259.

время он практически не упоминал о том, что предки горцев были знакомы с христианством, которое имело на Кавказе древние корни²⁰.

Предложения владыки Евгения встретили полную поддержку в Петербурге, но после усиления Шамиля и активизации военных действий Северный Кавказ окончательно стал неуправляемым, а российская администрация потеряла контроль над многими территориями, оказавшимися под властью имама. В условиях Кавказской войны любое миссионерское подвижничество представлялось крайне затруднительным и опасным занятием, а учреждение миссионерского общества признавалось несвоевременным.

Тем не менее о возможности его создания продолжали размышлять и в 1840-е, и в 1850-е гг. Так, в середине 1840-х гг. титулярный советник А.А. Бегичев подготовил «Проект о введении христианской веры на Кавказе между некоторыми горскими народами»²¹. По его словам, «вера горцев есть единственный камень преткновения, который мешает успехам нашим на Кавказе». «Следовательно, – считал он, – на этот пункт должно обратить величайшее внимание, все средства и всю деятельность, потому что предмет этот был и есть для России предметом политической важности»²². Христианизация рассматривалась им как один из основных способов вовлечения населения Северного Кавказа в политическую и социокультурную жизнь империи. Нельзя, полагал Бегичев, «отказать христианской вере в том высоком, благотворном влиянии, какое она имеет на политическую жизнь, прочность и могущество государства, как единая нравственная основа и могучая скрепа, дающая совет народу и мудрость правительству и растворяющая кротостью и милосердием, повиновением и усердием их взаимные отношения». «Что же будет, – размышлял титулярный советник, – когда правительство обратит на это всё своё внимание, всю деятельность и все средства, когда мысль водворения Христовой веры и преобразится в стройный, систематический план в большем размере и с обширными средствами: духовными, нравственными и вещественными, и, наконец, с тем знанием горских наречий, которое откроет нам пути в неприступные дебри Кавказа; тогда это христианское и политическое предприятие России примет прочный и постоянный характер и возможность благого успеха станет выше всякого сомнения»²³. Обращаясь «к древним памятникам, развалинам церквей и к остаткам христианства, сохранившимся в народных обычаях Кавказа», Бегичев надеялся, что восстановление утраченных ранее позиций «между некоторыми горскими народами» способно обеспечить хотя бы «наполовину успех нашего религиозного предприятия»²⁴.

Для этого он считал важным учредить общество миссионеров с особым уставом, подобрав его членов «с особенною разборчивостью из людей способных, нравственных и ревностных к этому делу». Направлять, обеспечивать и контролировать их действия должны были совет и канцелярия, образованные «как для принятия всех высших распоряжений правительства и приведения их в исполнение, так и для внутреннего устройства общества: назначение мест и лиц для проповеди, водворение священнослужителей у горцев, принявших

²⁰ Там же. С. 258–259.

²¹ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 392–406.

²² Там же. С. 394.

²³ Там же. С. 392–393.

²⁴ Там же. С. 394.

христианскую веру, наблюдение и попечение об них, и, наконец, управление частями: правительственной, финансовою, хозяйственною и учебною». В частности, общество руководило бы семинарией, основанной для подготовки миссионеров. Духовное образование, по мысли Бегичева, следовало соединить в ней с усиленным изучением языков – «греческого, славянского, русского и тех горских наречий, где, по плану правительства, намереваются воскресить христианство». Ведь её выпускникам предстояло начать сбор сведений о различных горских племенах и местностях Кавказа, «по части филологии – разработка горских наречий, также, например, их история из народных преданий или статистика, хозяйство и образ жизни, или, наконец, их нравы, обычаи, поверия и вера». Кроме того, в ведении общества находились бы школа, в которой «миссионеры будут воспитывать мальчиков из горцев» и где «религиозно-нравственное направление и изучение русского языка должно быть главным основанием их образования», а также библиотека и музей. «Музеум, – писал Бегичев, – будет заключаться в собраниях всякого рода древностей местных: монет, медалей, снимков с надписей гробниц, описаний и чертежей развалин старинных церквей и других археологических разысканий»²⁵.

С крещением горцев Бегичев предлагал не спешить. По его мнению, «проповедники, сначала под видом путешественников, посещая назначенные им участки, чрез куначество и подарки, должны войти в самые дружественные связи с некоторыми из старшин и уважаемых горцев», обсудить с ними христианские обряды и «прочие остатки христианства», «объяснить им их значение», после чего «рассказать им и самую историю этих обрядов», а «в доказательство указать им на древние развалины церквей, у которых они клянутся и которые так много почитают». «Нет никакого сомнения, – утверждал Бегичев, – что беседы такого рода – дружественные, без всякого насилия, заставят горцев призадуматься, и вследствие этой думы, вероятно, может возродиться искреннее желание снова принять веру отцов своих и, следовательно, веру христианскую»²⁶.

Однако в 1820–1840-е гг. миссионерское общество на Кавказе так и не появилось. А.Л. Зиссерман справедливо отметил, что со времён Ермолова «вопрос о поддержании и восстановлении христианства в горах в течение четверти века не подвинулся ни на шаг, не взирая даже на некоторые частные попытки сделать что-нибудь помимо Осетинской комиссии»²⁷. Положение изменилось лишь во второй половине 1850-х гг. В докладной записке, отправленной в Петербург в 1857 г., кн. Барятинский решительно заявлял: «Несколько веков тому назад значительная часть кавказских горцев, ныне заклятых врагов христианства, была озарена светом истинной веры. Кроме племён, зарывшихся от века в самой недостижимой глубине Кавказского хребта, недоступных никогда никакому влиянию, все прочие горцы, соприкасавшиеся с равниной, слышали евангельскую проповедь и следовали ей в течение долгих годов. Абхазцы, сванеты, осетины, южные лезгины, кистины, кабардинцы, многие чеченские общества, большая часть адыгов были когда-то христианами. До сих пор ещё по самым глухим ущельям Кавказа рассеяно множество мест, которые горцы окружают благоговейным почтением, необъяснимым для них самих; в смутном понятии жителей о святости таких мест всегда мерцает какой-нибудь след христианско-

²⁵ Там же. С. 401–402.

²⁶ Там же. С. 402–403.

²⁷ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 101.

го предания. Но, кроме преданий, в горах сохранились вещественные остатки угасшей веры»²⁸.

Барятинский призывал осознать «хотя бы с одной политической стороны важность восстановления в горах христианства и совершить необходимое для того пожертвование: возобновить церкви; приготовить священников, знающих горские наречия, поставив их в почётное положение между народом; перевести на туземные языки Священное Писание, и главное, заботиться о том, чтобы христианство было в горах покровительствуемой, а не угнетаемой верой». «Для восстановления христианства, – писал он, – нужно иметь хороших проповедников и достаточные суммы, для того, чтобы устроить местную церковь в том виде, как она должна быть. При значительных средствах можно завести училища для образования проповедников, дать местной иерархии безбедное содержание, при котором её можно пополнять достойными и приготовленными для своего дела пастырями, окружить христианское богослужение достаточным величием, по крайней мере, достаточною благопристойностью, чтобы оно внушало уважение полудиким горцам»²⁹. По мнению наместника, это способствовало бы умиротворению местного населения и укреплению его связей с Россией, а также ослабило бы влияние идеологии мюридизма и мусульманского духовенства.

Барятинский полагал, что «союз частных лиц должен способствовать правительству в этом деле и основать братство, с целью поддерживать и распространять христианство между кавказскими племенами». Назвать его предлагалось «Братством Воздвижения Святого Креста». Председателем общества являлся бы наместник, а вице-председателем – экзарх Грузии. Они руководили бы главным управлением, которое, в свою очередь, занималось бы учреждением при семинариях особых классов для подготовки священников к службе в горах (включая изучение местных языков, чему уделялось основное внимание), сооружением и содержанием храмов, созданием при церквях и монастырях школ, в которых дети горцев получали бы русское воспитание, переводом Священного Писания на кавказские языки и наречия, а также обеспечивало бы финансирование этой работы. Ежегодный отчёт о своей деятельности оно представляло бы верховному покровителю братства, который принадлежал бы к особам Императорской фамилии, что повышало бы престиж Общества. Вступать в него могли бы представители всех сословий, ежегодно внося установленную сумму. Для членов братства учреждался орден, имеющий три степени (каждая из которых соответствовала сумме ежегодного взноса). Доходы братства наместник надеялся пополнять и за счёт подписки, которую он хотел открыть по всей России³⁰.

22 ноября 1857 г. Александр II написал князю: «Я с большим вниманием прочёл записку, переданную Милютиным, по поводу христианского миссионерства, и не премину очень серьёзно заняться этим важным вопросом. Что касается организации братства наподобие рыцарского ордена, мне кажется, что это не в наших обычаях. Я думаю, что мы сможем достигнуть тех же результатов, привлекая внимание общества к этому вопросу, который оно совершенно игнорирует, и поощряя усердие нашего духовенства». В конце письма

²⁸ Кавказ и Российская империя... С. 409.

²⁹ Там же. С. 410–413.

³⁰ Там же. С. 413–414.

император заверил наместника, что «всё это будет обсуждаться в Кавказском комитете»³¹.

Видимо, не чувствуя полной поддержки царя, кн. Барятинский решил обратиться за содействием к управляющему Кавказского Комитета В.П. Буткову: «Зная участие Ваше в судьбах вверенного мне края, – писал князь 8 декабря, – я спешу передать Вам те причины и уважения, которые привели меня к необходимости учредить братство именно на тех основаниях, которые изложены в моей записке. Для полного умиротворения Закавказского края и окончательного слияния его с государством в равной степени необходимы военные меры, развитие гражданского его благоустройства и влияние на туземные племена христианских начал. Все эти способы должны действовать одновременно и совокупно и взаимно помогать один другому. Действие военной силы, равно как и всяких гражданских успехов, будет не полно, если оно не будет подкреплено действием христианских начал, первое проявление которых должно заключаться в смягчении и улучшении диких нравов, отличающих горские племена». Особое значение наместник придавал тому, чтобы создаваемое общество располагало надёжным регулярно пополняемым источником дохода, для чего и требовались ежегодные взносы. «Собственно для привлечения и образования этих средств, – пояснял он, – я и признал нужным установить постоянное учреждение, олицетворённое особым орденом, разделённым на три степени, сообразно различному количеству ежегодных взносов... Этим только способом я полагаю иметь постоянные средства для осуществления тех обширных предположений, которые изложены в моей записке. Я убеждён, что без особенного средства привлечения к участию в братстве оно едва ли может состояться. Без образования же братства и, следовательно, без постоянных взносов, дело решительно не может иметь тех благотворных последствий, которых я ожидаю, и не будет одним из важных орудий к распространению христианства. Никакой единовременный сбор, как бы велик он не был, не будет достаточен, когда, согласно плану, изложенному в записке, предстоит постепенное сооружение церквей в Кавказских горах, и образование достойных проповедников Слова Божия, и содержание между дикими племенами духовенства, соответственное его достоинству и значению. Единовременно собранный капитал рано или поздно иссякнет, и святое дело неминуемо погрузится во мрак»³².

В декабре 1857 г. Кавказский комитет «признал полезным учредить в Петербурге особое общество для поддержания Православия в кавказских горах», поскольку «положение христианской веры в горах Кавказа находится на такой жалкой степени, что правительство должно немедленно изыскать и указать способы для распространения христианства между кавказскими горцами». Проект устава поручалось составить кн. Барятинскому, которому рекомендовалось взять за образец организацию Вольного экономического и Императорского русского географического обществ. Тогда же копия его записки была отправлена из Кавказского комитета в Синод. В феврале 1858 г. обер-прокурор гр. А.П. Толстой официально уведомил Буткова, что «Св. Синод с особенным вниманием выслушал... предложение Кавказского комитета об учреждении Общества» и, хотя «по совершенной ограниченности средств, состоящих в его

³¹ Письма императора Александра II к князю Барятинскому. Публ. В.М. Муханова и Г.М. Запальского // *Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 245.*

³² Цит. по: *Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 113–114.*

ведении и распоряжении», «не может уделить и определить денежного пособия на устройство православных церквей в кавказских горах», но «не оставит призвать в своё время православное духовенство к добровольным на означенный предмет пожертвованиям»³³.

Осенью 1858 г. наместник прислал в Петербург проекты устава и воззвания об учреждении общества с призывом принять в нём участие. В отличие от первоначального проекта, главное управление предлагалось теперь разместить в Тифлисе, так как «перенесение этого управления в С.-Петербург имело бы величайшие неудобства, разделяя на огромное пространство высшее направление действий Общества от самого места этих действий». «Такое разделение, – утверждал кн. Барятинский, – неминуемо произвело бы, прежде всего, медленность в делах, потом огромную и бесполезную переписку и, наконец, множество недоумений и затруднений в практическом отношении. Напротив, учреждением управления делами Общества в Тифлисе, поставленном среди кавказских племён, правительство избегнет всех этих неудобств и даст действиям общества сосредоточенность, быстроту и практическую применимость». Вместо «ордена» для членов Общества на этот раз предлагалось ввести особый знак «наподобие тех, кои установлены для высших учёных степеней по духовному ведомству, с разделением его на 4 разряда, сообразно различному количеству ежегодных взносов»³⁴.

К обсуждению проекта были привлечены митрополит Московский Филарет (Дроздов), митрополит Киевский и Галицкий (а с 1860 г. – Новгородский и Санкт-Петербургский) Исидор (Никольский), экзарх Грузии Евсевий (Ильинский), а также гр. Толстой и главноуправляющий II отделением Собственной е.и.в. канцелярии гр. Д.Н. Блудов. Митрополит Филарет, ссылаясь на то, что схожие проблемы существуют не только на Кавказе, но и в Сибири, и в Китае, а образование в одном государстве и при одной Церкви двух и более обособленных обществ приведёт только к ненужному распылению сил и увеличит расходы, советовал создать единое «общество распространения православного христианства». При этом оно не должно было оказаться в руках «высокого светского сановника». «Когда общество имеет предметом дело, по Божественному установлению принадлежащее церковной иерархии, – заявлял митрополит, – то председателем или первенствующим членом такого общества прилично быть члену иерархии»³⁵.

Блудов поддержал предложение развернуть деятельность общества «не только на Кавказе, а во всех частях империи, с тем разумеется, чтобы одним, по всей вероятности главным, и без сомнения первым одного отделением, было Кавказское». Особо он отметил, «что предназначенный знак отличия членов Общества может быть установлен, не так как наши ордена, в виде награды, а единственно как знак союза в стремлении к благотворной и святой цели». Вместе с тем Блудов считал ошибкой объявлять о том, что общество учреждается только на три года для опыта, – это явно вызвало бы сомнения в серьёзности намерений правительства и значительно снизило бы внимание к данному начинанию и его материальную поддержку»³⁶.

³³ Платонов А.И. Указ. соч. С. 99–100; Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 112.

³⁴ Цит. по: Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 117–118.

³⁵ Там же. С. 122–123.

³⁶ Там же. С. 125–126.

Осенью 1859 г., вскоре после пленения Шамиля, ознакомившись с поступившими отзывами, кн. Барятинский, опираясь на поддержку митрополита Исидора и экзарха Грузии, продолжил настаивать на своих предложениях. Не обсуждая возможность образования единого миссионерского общества, которое действовало бы на разных окраинах империи, он напоминал, что проектируемое им братство «необходимо для полного умиротворения Кавказа и составляет прямую и неотложную обязанность государства», тогда как «ни в отношении Сибири, ни в отношении к Китаю ничего подобного не существует». Со своей стороны, Барятинский «был глубоко убеждён, что Общество, приняв столь широкий размер действий, нигде не принесёт той сильной и положительной пользы, какой должно ожидать при сосредоточенности этих действий на Кавказе». В то же время, «если деятельность Общества будет ограничена пределами Кавказа, в таком случае предоставление высшего направления действий Общества правителю края, наместнику Кавказскому, представляется делом основательным и справедливым». Устранение же его от руководства братством в крае, где «административные и политические меры должны иметь важное значение», принесёт только вред. Упорно отстаивал Барятинский и особый знак Общества, в котором видел «краеугольный камень настоящего дела». «Разделение же этого знака на различные степени, – доказывал он, – необходимо и полезно уже потому, что оно представляет возможность всем, сообразно различным своим способам, делать различные приношения. Установление одной степени и одной нормальной суммы приношений, уравнивая всех, богатых и бедных, имело бы последствием, что или масса людей благочестивых, но небогатых средствами, была бы лишена возможности участвовать в святом деле, или, наоборот, ограниченность этой суммы отняла бы у Общества возможность иметь значительные приношения людей богатых». Наместник не сомневался, что «при различных степенях знака, в каждом невольно будет проявляться стремление к сколь можно более усердному служению Обществу»³⁷.

В январе 1860 г. после согласования с Синодом устав Общества вновь поступил в Кавказский комитет. К этому времени на Северо-Западном Кавказе прекратил сопротивление наиб Мухаммед Эмин, Александр II наградил кн. Барятинского орденом Св. Андрея Первозванного с мечами и возвёл его в чин фельдмаршала. Доверие императора к своему наместнику (и другу юности) казалось практически безграничным. Тем не менее заседание, состоявшееся 28 января, проходило достаточно бурно. «В 1 час Кавказский комитет в присутствии Саши (Александра II. – *В.М.*) внизу ради Барятинского, который ещё от подагры не может ходить, – записал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. – Рассматривали дело об учреждении “Общества восстановления Православия на Кавказе”. Все были против и сильно нападали. Даже Саша объявил себя против ордена. Я один отстаивал проект Барятинского и отстоял его, переменявши только, что вместо ордена будет знак, показывающий принадлежность Обществу»³⁸. 9 июня 1860 г. Александр II утвердил устав и знак

³⁷ Там же. С. 128–134.

³⁸ 1857–1861: Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова и Л.И. Тютюнник. М., 1994. С. 229.

Общества, которое взяла под своё покровительство императрица Мария Александровна³⁹. Именной указ об этом в тот же день был отправлен наместнику⁴⁰.

«Общество восстановления православного христианства на Кавказе» учреждалось в Тифлисе под руководством наместника, а «все распорядительные действия» поручались «Совету Общества, под председательством экзарха Грузии, в качестве вице-председателя»⁴¹. Согласно § 27 устава, «Совет, действуя от лица частного общества и с помощью средств, частными лицами жертвуемых, обязан ответственностью одному Обществу и затем никакому другому контролю не подлежит». При этом он получал права на «свою печать с гербом Российской империи» и безденежную пересылку всей своей корреспонденции и посылок через любые почтовые учреждения страны⁴².

Общество, в которое могли вступать «лица обоего пола и всех сословий», состояло из «членов почётных, членов действительных, членов сотрудников и членов ревнителей», делившихся на четыре разряда, в зависимости от размера годового взноса (1-й – от 1 тыс. руб.; 2-й – от 500 руб.; 3-й – от 300 руб.; 4-й – от 200 руб.). Они получали знак Общества, который представлял собой изображение креста Святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии⁴³.

В качестве первоочередных задач Общества рассматривались восстановление существовавших церквей и строительство новых в горах, «содержание при них духовенства», выбор и содержание проповедников, надзор за ними, а также перевод «книг Священного Писания и богослужебных книг на туземные языки» (первоначально на осетинский, абхазский и сванетский)⁴⁴.

Особое внимание обращалось на учреждение горских школ «для распространения православно-христианского образования» и открытие при семинариях особых классов для преподавания горских языков духовным лицам. Устав предусматривал, что «школы для православно-христианского образования детей горских семейств устраиваются первоначально в тех аулах, где находятся уже церкви и священники» (§ 50). Предписывалось, «чтобы на должности учителей определялись на хорошее жалованье наставники спо-

³⁹ ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. № 35897. С. 730–735.

⁴⁰ Там же. С. 730.

⁴¹ Там же. «Совет под председательством вице-председателя, – говорилось в § 14 устава, – состоит из шести членов, избранных председателем из почётных и действительных членов Общества, находящихся налицо в Тифлисе» (Там же).

⁴² Там же. С. 732.

⁴³ Там же. С. 730–731. Рисунки знаков были утверждены императором 25 декабря 1860 г.: «Крест первого разряда сделан из белой финифти, с изображением на нём, зелёным цветом, крестообразно сплетённых виноградных лоз, перевязанных по середине волосами св. Равноапостольной Нины. В промежутках креста золотое прорезное украшение. Члены носят этот крест на шее, на широкой светло-фиолетовой ленте; дамы на той же ленте, но завязанной в виде кокарды на левом плече. Крест второго разряда, подобный первому, но без украшений в промежутках, носится на шее на такой же ленте, как и первого разряда; дамы носят его тоже с кокардой на левом плече. Крест третьего разряда золотой без финифти, но с тем же изображением, как второго разряда; носится на узкой ленте того же светло-фиолетового цвета, на левой стороне груди, как мужчинами так и дамами. Крест четвёртого разряда, серебряный, носится, так же как крест третьего разряда одинаково членами обоего пола. Обратная сторона крестов имеет надпись Славянскими буквами: “Святая Равноапостольная Нина.” (О действиях Высочайше утверждённого общества восстановления православного христианства на Кавказе. СПб., 1862. С. 5).

⁴⁴ ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 1. № 35897. С. 731, 732, 735.

собные, опытные и с доброю нравственностью» из лиц «как духовного, так и светского звания»⁴⁵.

Выпускники школ и в дальнейшем могли рассчитывать на поддержку: «тех же учеников, родители коих пожелают дать им дальнейшее образование, а равно и тех, которые по сиротству не могут быть возвращены в аулы, совет Общества, по сношении с епархиальным начальством, отсылает в Тифлисскую или Ставропольскую Духовные Семинарии, если, впрочем, они обнаружат способности и будут подавать надежды к высшему образованию». А по окончании семинарии «Совет общества может отправлять тех из молодых людей, которые окажут в сих классах особенные успехи в науках, в то или другое высшее духовное учебное заведение, для окончательного образования, но не иначе, как по собственному сих воспитанников и их родителей желанию» (§ 61).

Предполагалось, что это будет способствовать воспитанию проповедников из местного населения. «Вообще, – отмечалось в уставе, – кончившим курс в духовно-учебных заведениях детям горцев Совет общества старается предоставить возможно выгодное обеспечение с целью приохотить других горцев отдавать своих детей в те заведения». В частности, указывалось, что «миссионерами назначаются преимущественно туземцы, получившие на счёт Общества образование в духовно-учебных заведениях, особенно преданные христианскому делу». Учащиеся, получавшие помощь от Общества, впоследствии должны были трудиться на его пользу не менее пяти лет. В то же время совет Общества мог приглашать «известных высокою нравственностью монашествующих лиц из монастырей внутренних губерний России для возложения на них обязанностей миссионеров или для других поручений»⁴⁶. Все миссионеры снабжались особой инструкцией и охраной, а также получали от совета ежемесячное денежное содержание.

Для организации Общества кн. Барятинский образовал Временный комитет, действовавший до 1865 г. Помимо наместника, в его состав вошли экзарх Грузии, А.М. Фадеев и В.А. Инсарский (руководивший делопроизводством)⁴⁷. Одним из первых его решений стало упразднение Осетинской духовной комиссии, штат и капитал которой (238 174 руб.) передавались Временному комитету.

На первом этапе особенно важными были для Общества пожертвования императрицы Марии Александровны, которая выделила ему около 120 тыс. руб. Кроме того, «повсеместно во всех церквях» установили «особые кружки для пожертвований на восстановление православия на Кавказе, с тем чтобы сбор, который на этот предмет будет поступать, был передаваем вполне в ведение наместника кавказского для употребления согласно цели учреждения этого сбора». Первый кружечный сбор дал 31 876 руб. 43³/₄ коп. Всего первоначальный капитал Общества составлял свыше 400 тыс. руб.⁴⁸ К концу Кавказской войны оно уже всю работало. Но первые серьёзные результаты его деятельности проявились только в период управления Кавказом вел. кн. Михаила Николаевича, сменившего в декабре 1862 г. кн. А.И. Барятинского на посту наместника.

---

⁴⁵ Там же. С. 733–734. При этом оговаривалось, что «надзор за школами в Осетии поручается назначенному туда, с этою целью, архимандриту; в других отдалённых от Тифлиса местах, местным благочинным; общее же наблюдение за ходом и развитием просвещения возлагается на особого инспектора, избранного из членов Общества». Составной частью подобного контроля являлись регулярные отчёты наставников об успехах и поведении своих подопечных.

⁴⁶ Там же. С. 734–735.

⁴⁷ Платонов А.И. Указ. соч. С. 115–116.

⁴⁸ Там же. С. 119–120.